

ПОЛИТОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Статья поступила в редакцию: 03.09.2026

Статья принята к публикации: 08.09.2026

Статья опубликована: 15.09.2026

УДК 327.5+961.1

Россия в Западной Африке между разрывом и неоколониальной преемственностью – Сенегал как лаборатория новой модели сотрудничества

Соу Марияма
аспирант

*Института международных отношений и мировой истории (ИМОИ), Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Российская Федерация, г. Нижний Новгород
E-mail: rima23879@gmail.com*

Russia in West Africa: Between Rupture and Neocolonial Continuity – Senegal as a Laboratory for a New Model of Cooperation

Sow Mariama
postgraduate student

*Institute of International Relations and World History (IMOMI)
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Russian Federation, Nizhny Novgorod*

Аннотация

В статье представлено международно-правовое и политико-экономическое исследование структурных трансформаций архитектуры управления и интеграции в Западной Африке в период 2023–2026 годов. Процесс разворачивается на фоне кризиса легитимности традиционных постколониальных сетей («Франсафрик») и устоявшихся региональных блоков, в частности, ЭКОВАС. Опираясь на теоретические основы политического реализма, структурной зависимости (dependencia) и сравнительного международно-правового анализа, в исследовании используются эмпирические данные торговой статистики, динамики суверенного долга, прямых иностранных инвестиций (ПИИ), и программный дискурс-анализ векторов внешней политики Сенегала и России.

Библиографическое описание: Соу М. Россия в Западной Африке между разрывом и неоколониальной преемственностью – Сенегал как лаборатория новой модели сотрудничества // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 9(136). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/23375>

В работе обосновывается структурный характер развивающегося стратегического партнерства между Россией и Сенегалом в условиях правления администрации недавно избранного президента Бассиру Диомая Фая и партии PASTEF. Выявлено эпистемологическое противоречие – антиимпериалистическая риторика Москвы противодействует французскому валютному контролю и постколониальному доминированию, однако статистические данные за 2024–2025 годы демонстрируют торговый дисбаланс (где российский экспорт превышает 98 %) и зерновую зависимость на транзитном маршруте к югу от Сахары. Сенегал функционирует в форме гибридной социально-политической и правовой «лаборатории», разворачивает многовекторную дипломатию по линии Юг-Юг с участием Китая и Турции для смягчения структурных рисков асимметричной зависимости. Авторы приходят к выводу, что для выхода России за рамки стандартной парадигмы «центр-периферия» необходим операционный сдвиг от сырьевой торговли к высокотехнологичным прямым иностранным инвестициям, совместной разведке морских энергетических ресурсов и локализованному трансферу промышленных технологий.

Abstract

The chapter presents a comprehensive international legal and political-economic investigation into the structural transformations of governance and integration architectures across West Africa during the 2023–2026 period. This process unfolds amid a systemic legitimacy crisis of both traditional post-colonial networks (Françafrique) and established regional blocs like ECOWAS. Drawing upon the theoretical frameworks of political realism, structural dependency (dependencia), and comparative international legal analysis, the research utilizes empirical trade statistics, sovereign debt dynamics, foreign direct investment (FDI) data, and programmatic discourse analysis of Senegalese and Russian foreign policy vectors. The study comprehensively verifies the structural nature of the developing Russia-Senegal strategic partnership under the newly elected administration of Bassirou Diomaye Faye and the PASTEF party. It reveals a fundamental epistemological contradiction: while Moscow's anti-imperialist rhetoric effectively counters French currency control and post-colonial dominance, empirical trade data from 2024–2025 demonstrates a severe trade imbalance (with Russian exports exceeding 98 %) and a sharpening grain dependency on the Sub-Saharan transit route. Senegal operates as a hybrid socio-political and legal «laboratory», deploying multi-vector South-South diplomacy alongside major actors like China and Turkey to mitigate the structural risks of asymmetric dependency. For Russia, transitioning beyond a standard «center-periphery» paradigm requires an urgent operational shift from pure commodity-driven trade to high-tech foreign direct investments, joint off-shore energy exploration, and localized industrial technology transfer.

Ключевые слова: Западная Африка, Сенегал, Россия, Бассиру Диомай Фай, PASTEF, интеграция, ЭКОВАС, Франсафрик, дипломатия Юг-Юг, теория зависимости, торговый баланс, зерновая зависимость, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), трансфер технологий.

Keywords: West Africa, Senegal, Russia, Bassirou Diomaye Faye, PASTEF, integration, ECOWAS, Françafrique, South-South diplomacy, dependency theory, trade balance, grain dependency, foreign direct investment (FDI), technology transfer.

Введение

Динамика международно-правовых и политико-экономических процессов на африканском континенте в первой половине XXI в. характеризуется коренной трансформацией традиционных институтов внешнего управления и поступательным демонтажем монопольных позиций бывших метрополий. Регион Западной Африки стал эпицентром институционального кризиса классических моделей региональной интеграции и систем коллективной безопасности, функционировавших под эгидой западных государств. Символом этого правового и геополитического разрыва выступил окончательный распад в декабре 2023 г. т.н. Группы пяти Сахеля (G5 Sahel), чья неспособность противостоять трансграничным угрозам в итоге привели к созданию принципиально новой международно-правовой реальности – Альянса государств Сахеля (АГС, Alliance des États du Sahel, AES) в составе Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Данный военно-политический союз, трансформировавшийся в июле 2024 г. в Конфедерацию АГС, провозгласил курс на полный суверенитет, отказ от французского патернализма (включая разоблачение деструктивных механизмов системы Франсафрик) и переориентацию векторов стратегического партнерства на Глобальный Юг и Российскую Федерацию.

В данном контексте Республика Сенегал занимает особое, транзитное место в архитектуре западноафриканского регионализма. Долгое время Дакар выступал главным оплотом французского институционального, правового и военного присутствия в Западной Африке, сохраняя приверженность неолиберальной модели сотрудничества с институтами Бреттон-Вудской системы. Однако электоральный транзит власти в марте 2024 г., ознаменовавшийся победой Бассиру Диомая Фая, актуализировал внутривнутриполитический запрос на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Сенегал начинает выполнять роль своеобразной социально-политической и международно-правовой «лаборатории», в рамках которой тестируется возможность бесконфликтного перехода от тотальной зависимости от западных институтов к сбалансированной многовекторной дипломатии. Важнейшим элементом этой новой стратегии выступает поступательное наращивание взаимодействия с Москвой.

Научно-теоретической и международно-правовой проблематикой данного исследования является верификация характера развивающегося российско-сенегальского партнерства. Предстоит ответить на вопрос – выступает ли активизация Российской Федерации в Сенегале и в Западной Африке в целом альтернативой западным моделям (французский неокOLONиализм, англосаксонский неолиберализм), основанной на принципах равенства и взаимного уважения суверенитета, или же она воспроизводит, пусть и в модифицированных формах, классическую логику зависимости «центр – периферия»? Для объективного ответа на этот вопрос необходим оригинальный ракурс, предполагающий сопоставление выраженного антиимпериалистического дискурса российской дипломатии с экономической реальностью, охватывающей оценку торгового дисбаланса, структуры задолженности и зерновой зависимости региона.

Материалы и методы

Методологический каркас базируется на принципах системности, сравнительно-правового анализа международно-правовых актов и триангуляции данных. В рамках исследования проводится компаративный анализ российской модели сотрудничества с альтернативными моделями стран Глобального Юга, прежде всего, Китайской Народной Республики и Турецкой Республики, который позволяет верифицировать концепцию взаимодействия по линии «Юг – Юг». Эмпирическую основу работы составляют данные таможенной статистики, показатели движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), анализ дискурса сенегальских средств массовой информации, результаты социологических опросов местного населения, отражающие специфику восприятия России «альтернативным партнером» либо новым потенциально гегемонистским игроком на африканском пространстве.

Теоретико-методологические основания исследования суверенизации Западной Африки

Научное осмысление современных процессов в Западной Африке требует деконструкции неолиберальных парадигм, долгое время доминировавших в политологическом дискурсе. Исследование базируется на выводах И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни, которые указывают на формирование новых контуров полицентричного мира, где африканские государства перемещаются из категории пассивных объектов международно-правового регулирования в статус активных субъектов формирования глобальной повестки дня [1].

Переформатирование африканского вектора внешней политики ведущих держав Глобального Севера и Глобального Юга актуализирует применение структуралистских теорий, в частности, неомарксистской теории зависимого развития (*dependencia*). В рамках данного подхода асимметричные экономические связи между развитыми индустриальными державами («центром») и развивающимися странами («периферией») консервируют отсталость последних посредством неэквивалентного обмена и технологического монополизма.

Особым теоретическим значением обладает концепция многовекторной дипломатии, изученная Ю.М. Почтой [6]. Автор доказывает, что государства Западной Африки на современном этапе используют стратегию институционального маневрирования, стремятся диверсифицировать внешние обязательства для минимизации рисков суверенных потерь. Многовекторность выступает в форме объективной международно-правовой технологии выравнивания дисбалансов, вызванных колониальным наследием. Подобное положение коррелирует с выводами Л. Вана, который подчеркивает, что активизация Российской Федерации на африканском направлении в условиях трансформации глобального порядка опирается на запрос африканских обществ на создание альтернативной архитектуры безопасности [4]. Таким образом, теоретические рамки исследования строятся на синтезе концепции зависимого развития и теории суверенного маневрирования в условиях полицентризма.

Международно-правовой контекст и институциональный кризис в Западной Африке. Переформатирование присутствия Российской Федерации в Западной Африке разворачивается на фоне кризиса легитимности универсальных и региональных институтов, регулирующих вопросы коллективной безопасности и правопорядка. В современных международно-правовых исследованиях отмечается, действия Организации Объединенных Наций перед лицом вызовов безопасности в Сахеле и сопредельных государствах демонстрируют ограниченность и институциональную стагнацию [3]. Деятельность Отделения ООН для Западной Африки и Сахеля (UNOWAS), направленная на превентивную дипломатию, предупреждение конфликтов и диагностику трансграничных угроз (экспансия террористических групп, распространение политического насилия и транснациональная организованная преступность), в последние годы сталкивается с нарастающим недоверием со стороны местных правительств. Методология ООН, основанная на западных либеральных стандартах миротворчества, вошла в противоречие с процессами суверенизации правовых систем западноафриканских государств.

Ситуация усугубилась решением Мали, Буркина-Фасо и Нигера о консолидированном выходе из состава Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС), которое воспринимается региональными элитами наднациональным проводником геополитического влияния Франции и ее англосаксонских союзников. ЭКОВАС, создававшееся инструментом экономической интеграции, в XXI в. трансформировалось в механизм санкционного давления на неугодные Дакару и Парижу режимы [10]. Ситуация расколола правовое пространство региона. В подобных турбулентных условиях Республика Сенегал, занимавшая позицию правового легализма и выступавшая медиатором в Западной Африке, вынуждена пересматривать внешнеполитические приоритеты под давлением тектонических сдвигов в Сахеле. Повышение популярности доктрины «африканским проблемам – африканские решения» предопределил стремление нового руководства в лице президента Б.Д. Фая и премьер-министра У. Сонко найти баланс между сохранением членства в ЭКОВАС и выстраиванием суверенных правовых платформ взаимодействия с новыми внешними акторами. Сенегал стремится избежать правовой изоляции, трансформирует правовую систему в гибкий интерфейс для многовекторных связей.

Российская Федерация предлагает странам региона принципиально иной формат международно-правового дискурса. Москва апеллирует к историческому наследию советской поддержки национально-освободительных движений и предлагает модель партнерства, свободную от политического обусловливания, менторства и попыток трансформации внутренних государственно-правовых институтов под внешние стандарты. Данный антиимпериалистический нарратив, подкрепленный шагами по военно-техническому сотрудничеству в Сахеле, находит отклик в сенегальском обществе. Согласно контент-анализу публикаций в сенегальской прессе (в частности, на страницах независимых изданий), местная интеллектуальная элита склонна рассматривать Россию эффективным «стратегическим противовесом» традиционному диктату бывшей метрополии. В том числе авторы подчеркивают, для верификации подлинного характера сотрудничества и определения того, происходит ли демонтаж неокOLONиальных практик или лишь смена внешних патронов, требуется перекрестный анализ политических деклараций и цифр макроэкономической реальности [5].

Эмпирический анализ российско-сенегальского экономического взаимодействия

Макроэкономический базис российско-сенегальских отношений демонстрирует тенденцию к повышению стоимостных объемов взаимодействия, однако обнажает структурные диспропорции. Период 2023–2026 гг. является репрезентативным с точки зрения фиксации векторов товарных потоков между странами после реформатирования логистических цепочек и введения масштабных антироссийских санкций со стороны государств Глобального Севера. Торговля России с Сенегалом превратилась в драйвера западноафриканского вектора отечественной дипломатии. Общие объемы торговли стран Африки с Россией в 2024–2025 гг. продемонстрировали положительную динамику, и Сенегал внес весомый вклад в траекторию.

Анализ данных таблицы 1 выявляет противоречие развивающейся модели сотрудничества. Мы отмечаем стабильное повышение номинального товарооборота, который к 2025 г. превысил отметку в \$1,38 млрд. Однако внутренняя структура взаимодействия характеризуется торговым дисбалансом, доля российского экспорта на протяжении трех лет удерживается выше планки в 98 %, но встречный поток сенегальских товаров в Россию остается на незначительном уровне. Наблюдается форсированное приращение зерновой зависимости Дакара от Москвы, к 2025 г. Российская Федерация перешагнула психологический рубеж в 50 %, обеспечивая 51,2 % импорта пшеницы и меслина в республику.

С точки зрения классической теории зависимого развития (*dependencia*), подобная асимметрия квалифицируется воспроизводством логики отношений «центр – периферия». Страна-периферия (Сенегал) выступает чистым и зависимым потребителем базовых жизненно значимых товаров (продовольствие, нефтепродукты) из индустриального центра (Россия), не обладая возможностью для диверсификации собственного экспорта на рынок партнера. Ситуация усугубилась бы дефицитом инвестиционного компонента, если бы не постепенный запуск совместных проектов в сфере геологоразведки на шельфе. Однако, показатели движения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) со стороны российского бизнеса, которые к 2025 г. составили \$24,3 млн, свидетельствуют об отсутствии технологической, индустриальной и производственной интеграции. Российское присутствие ограничено преимущественно торговыми операциями и не ведет к формированию новых высокотехнологичных отраслей внутри Сенегала, которые позволяют республике преодолеть статус сырьевого придатка.

Таблица 1.

Динамика и структура торгово-экономического взаимодействия Российской Федерации и Республики Сенегал за 2023–2025 гг.

Показатель взаимодействия	2023 год (факт)	2024 год (факт)	2025 год (отчет об исполнении)	Источники данных / Ведомственная статистика
Товарооборот между РФ и Сенегалом (\$ млн)	1 120,5	1 245,2	1 385,7	Федеральная таможенная РФ / Министерство торговли Сенегала
Доля российского экспорта в товарообороте (%)	97,8%	98,1%	98,4%	Таможенные отчеты ФТС РФ
Объем поставок российской пшеницы (тыс. тонн)	780,4	890,2	982,5	Ведомственная статистика Минсельхоза РФ / UNCTADstat

Показатель взаимодействия	2023 год (факт)	2024 год (факт)	2025 год (отчет об исполнении)	Источники данных / Ведомственная статистика
Доля РФ в общем импорте зерновых Сенегалом (%)	42,5%	46,0%	51,2%	Отчеты продовольственной безопасности Сенегала
Прямые иностранные инвестиции РФ в Сенегал (\$ млн)	12,4	15,8	24,3	Мониторинг ЦБ РФ / Данные инвестиционного агентства APIX

**Составлено по данным Федеральной таможенной службы РФ, Министерства торговли Республики Сенегал и баз данных UNCTADstat за 2023–2025 гг.*

Специфика местного восприятия данной экономической реальности в Сенегале обладает амбивалентным характером. Социологические исследования, проводимые независимыми западноафриканскими аналитическими центрами, фиксируют расхождение в оценках между различными социальными стратами сенегальского общества. Народные массы, городская молодежь и профсоюзные движения Дакара, составляющие электоральное ядро правящей партии PASTEF, оценивают Россию в позитивном ключе. Для них поставки российской пшеницы и ГСМ по стабильным ценам в обход западных санкционных механизмов выступают гарантом предотвращения продовольственного кризиса и удержания социальной стабильности. Они видят в Москве «альтернативного партнера», способного разрушить вековую монополию Франции. Напротив, в академической среде, среди представителей крупного национального бизнеса и прагматичного крыла дипломатического корпуса Сенегала доминирует сдержанно-настороженный подход. Здесь открыто заявляют о рисках формирования новой «асимметричной ловушки», подчеркивают, что механическое замещение французского или американского доминирования российским не решает правовую и экономическую задачу суверенизации Сенегала.

Компаративный анализ: Сенегал как полигон моделей «Юг – Юг»

В стремлении избежать привязки к одному внешнему центру силы, новое руководство Сенегала активизирует правовые и экономические механизмы сотрудничества по линии «Юг – Юг», превращают страну в своеобразный полигон, где российская модель вынуждена вступать в конкуренцию и кооперацию с альтернативными западными проектами – прежде всего, китайским и турецким.

Таблица 2.

Сравнительный анализ правовых и экономических моделей присутствия внешних акторов в Республике Сенегал по состоянию на 2025–2026 гг.

Критерий сравнения моделей	Российская Федерация	Китайская Народная Республика (КНР)	Турецкая Республика
Международно-правовой инструмент	Двусторонние межправительственные соглашения, меморандумы о намерениях ведомств.	Инициатива «Один пояс - один путь», многосторонний правовой формат форума FOCAC.	Стратегия «Африканского партнерства», рамочные соглашения о ССТ (торговле).
Сектор экспансии и доминирования	Продовольственная безопасность (зерно), энергетика (поставки топлива), ВТС.	Инфраструктурное строительство (порты, дороги), добыча фосфатов.	Строительный сектор, логистический менеджмент, легкая промышленность.

Критерий сравнения моделей	Российская Федерация	Китайская Народная Республика (КНР)	Турецкая Республика
Финансово-кредитные механизмы связи	Государственные товарные кредиты, минимальный объем прямых ПИИ.	Многомиллиардные суверенные кредиты под залог ресурсов и инфраструктуры.	Коммерческие инвестиции на основе ГЧП (государственно- частного партнерства).
Идеологическое позиционирование	Антиколониальный нарратив, защита суверенитета, традиционные ценности.	Прагматизм, экономический детерминизм, концепция «сообщества единой судьбы».	Историко-культурная и религиозная общность (исламский фактор), гуманизм.

**Составлено по материалам: Review of African Political Economy (ROAPE); Monde commun - Revue des relations internationales, 2025–2026 гг.*

Данные таблицы 2 позволяют утверждать, что российская модель присутствия в Сенегале обладает выраженной спецификацией, которая одновременно является и её конкурентным преимуществом, и ограничителем. Китай разворачивает финансово-инфраструктурную экспансию, связывает Сенегал системой долгосрочных суверенных кредитов в рамках инициативы «Один пояс – один путь», Москва концентрируется на точечных, но значимых секторах – продовольствии и энергетике. Китайская модель, создает материальную базу сенегальской логистики (в том числе модернизацию порта Дакар и строительство железнодорожных магистралей), но порождает риски т.н. «долговой дипломатии» и перехода контроля над стратегическими объектами к китайским государственным корпорациям [2]. Китайский опыт использования институтов межгосударственного взаимодействия демонстрирует прагматизм, где идеологические лозунги подчинены задачам гарантирования доступа к минерально-сырьевой базе. На данном конкурентном поле российская модель выглядит наименее институционализированной, она практически не опирается на многосторонние правовые форматы (в отличие от китайского ФОАС) и зависит от стабильности двусторонних межправительственных контактов.

Турецкая Республика реализует модель, основанную на сочетании конфессионального фактора (задействование исламской солидарности с суфийскими братствами Сенегала, в частности, Мюридия и Тиджания) и механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Турецкий бизнес взял под контроль управление логистическими узлами Сенегала (например, новым международным аэропортом Блез Диань) и доминирует в сфере гражданского и промышленного строительства. По нашему мнению, российская модель выигрывает в глазах новой сенегальской элиты «финансовой легкостью» и отсутствием скрытых наднациональных амбиций. Не обладая возможностью и желанием навязывать Дакару кредитные соглашения, Россия воспринимается руководством Сенегала «чистыми» гарантом международно-правового суверенитета. Сенегал использует активизацию отношений с Москвой в форме мощного дипломатического рычага в сложных переговорах с западными донорами – Францией, Международным валютным фондом и Всемирным банком. Демонстрируя готовность углублять сотрудничество с Россией в энергетической и военно-технической сферах, Дакар принуждает Париж и Брюссель идти на уступки в вопросах реструктуризации долгов и пересмотра условий концессионных соглашений по добыче углеводородов на сенегальском шельфе, не разрывая при этом отношения с Глобальным Севером окончательно.

Потенциал и барьеры институционализации новой модели сотрудничества

Переход Сенегала в статус «лаборатории новой модели сотрудничества» актуализирует вопрос о пределах и барьерах институционализации российско-сенегальских правовых связей. Доминирующим фактором, сдерживающим глубину интеграции, выступает сохраняющееся членство Сенегала в валютном союзе Западной Африки (УЭМОА) и использование франка КФА, эмиссия которого де-факто контролируется Центральным банком Франции. Данное международно-правовое ограничение блокирует возможность перехода на прямые расчеты в национальных валютах (рублях и западноафриканских франках), вынуждает стороны использовать клиринговые схемы и третьи валюты-посредники, которые увеличивают транзакционные издержки и подвергают двустороннюю торговлю вторичным санкционным рискам Глобального Севера. Новый президент Б.Д. Фай провозглашал курс на постепенную реформу франка КФА, однако, процесс обладает долгосрочным характером и требует сонаправленной позиции всех стран региона.

Следующим барьером является отсутствие развитой договорно-правовой базы в сфере взаимного поощрения и защиты капиталовложений и соглашений об избежании двойного налогообложения. Действующие нормативные акты между Москвой и Дакаром в наделены декларативным характером (меморандумы о намерениях, соглашения о сотрудничестве ведомств), они не обеспечивают достаточных юридических гарантий для крупного российского частного и государственного бизнеса. Опыт Китая демонстрирует, что устойчивость модели «Юг – Юг» достигается тогда, когда политический антиколониальный нарратив накладывается на сетку двусторонних инвестиционных договоров (ВИТ), защищающих права инвесторов на наднациональном уровне. Без форсированного создания подобной правовой экосистемы российское присутствие рискует остаться в рамках оптовой торговли сырьевыми товарами, не перерасти в стратегическое соразвитие.

Перспективы оптимизации механизмов взаимодействия лежат в плоскости интернационализации инвестиционных проектов. Сенегал в 2024–2025 гг. официально вошел в пул государств-производителей углеводородов благодаря запуску проектов добычи нефти на месторождении Сангомар (Sangomar) и газа на шельфовом блоке Большое Ахмейим (Grand Tortue Ahmeyim). Российские нефтегазовые холдинги, обладающие уникальными технологиями глубоководного бурения и строительства СПГ-инфраструктуры в условиях санкционных ограничений, предлагают Дакару принципиально новые форматы государственно-частного партнерства. Новшества позволяют наполнить российскую модель реальным индустриальным содержанием, диверсифицировать структуру товарооборота и преодолеть неоколониальную преемственность посредством трансфера технологий, создания совместных инжиниринговых центров и подготовки сенегальских национальных кадров в технических вузах РФ в рамках реализации правовых механизмов гуманитарного сотрудничества.

Специфика правовой дипломатии PASTEF и векторы многовекторности Сенегала

Изменение динамики российско-сенегальских отношений невозможно рассматривать в отрыве от идеологической платформы правящей партии «Африканские патриоты Сенегала за труд, этику и братство» (PASTEF). Достигнув абсолютного электорального триумфа в 2024 г., лидеры движения Усман Сонко и Бассиру Диомай Фай де-факто заложили основы «третьей сенегальской республики», в которой доктрина классического легализма Леополяда Сенгора замещается концепцией левопатриотического суверенитета. В партийных программных документах PASTEF вектором провозглашен пересмотр асимметричных соглашений, ограничивающих юрисдикцию государства над собственными природными ресурсами. Он создает идеальное нормативно-ценностное окно возможностей для российской дипломатии, исторически выстраивающей диалог на принципах безусловного уважения государственного суверенитета. Вектор правовой дипломатии Дакара смещается в сторону ревизии соглашений о рыболовстве с Европейским союзом и аудита контрактов с французскими корпорациями в сфере инфраструктурного менеджмента.

Однако, многовекторный курс Сенегала в 2025–2026 гг. демонстрирует высокую степень прагматической гибкости, далекой от радикального изоляционизма. Дакар сознательно избегает геополитической бинаризации международно-правового пространства. Параллельно с интенсификацией контактов по линии Москва – Дакар и проведением раундов межмидовских консультаций, сенегальское руководство форсирует переговоры о выделении масштабных пакетов финансирования со стороны Всемирного банка и институтов развития США для модернизации аграрного сектора. Сенегал выступает не деструктивным элементом, разрушающим региональный баланс, а конструктивным медиатором. Симптоматичным международно-правовым шагом является официальная декларация Дакара о готовности оказать содействие Мали, Буркина-Фасо и Нигеру в выстраивании новых форматов трансграничной безопасности, которая позиционирует Сенегал значимым мостом между Конфедерацией АГС и остаточным правовым пространством ЭКОВАС. Для России центристское положение Дакара открывает перспективы формирования устойчивой, многоуровневой системы дипломатического присутствия в Западной Африке.

Политико-правовые барьеры и вызовы диверсификации партнерства по линии «Россия - Сенегал»

Анализ перспектив российско-сенегальских отношений в рамках международно-правового дискурса выявляет пласт специфических вызовов, которые игнорировались традиционной политической риторикой. В.Р. Филиппов подчеркивает, что возвращение Российской Федерации на африканское пространство сталкивается со структурным сопротивлением укоренившихся транснациональных элит, чьи экономические и правовые интересы по-прежнему интегрированы в неолиберальную западную систему. В Сенегале, несмотря на левую риторику партии PASTEF, значительная часть среднего и крупного компрадорского бизнеса, высший чиновничий аппарат министерств сформированы в рамках французской образовательной и административной традиции. Проблема порождает феномен

институциональной инерции, при котором подписание межправительственных соглашений с Москвой на высшем уровне саботируется или затягивается на этапе исполнительской имплементации на уровне департаментов.

Бюрократический легализм сенегальской госслужбы используется инструментом мягкого сдерживания нетрадиционных партнеров [8].

Дополнительным дестабилизирующим международно-правовым фактором выступает нарастающее информационное и нормативное давление со стороны Европейского союза. В рамках политики «нового трансатлантического консенсуса» Брюссель и Вашингтон транслируют в сенегальское медиапространство нарратив о «деструктивном характере» российского присутствия в Сахеле. Использование инструментов мягкой силы (через финансирование правозащитных СО НКО и предоставление целевых образовательных грантов для сенегальских журналистов) нацелено на формирование устойчивого негативного восприятия ВТС России с Мали и Нигером. Дакар, стремящийся сохранить статус цивилизованного правового центра Западной Африки, вынужден оглядываться на данные репутационные риски. В.С. Чересов и В.А. Денисенко отмечают, именно данный фактор вынуждает президента Б.Д. Фая подчеркнуть дистанцироваться от военно-политической интеграции с Конфедерацией АГС, позиционируя сближение с Россией в рамках мирного торгово-экономического и продовольственного трека. Россия в данной правовой конфигурации обязана действовать максимально гибко, не навязывать Сенегалу геополитических альтернатив и развивать горизонтальные связи на уровне академического и бизнес-сообщества [9].

Налаженная система комплексной помощи африканским странам со стороны Советского Союза, его невовлеченность в колониальные практики определили позитивный образ России как потенциального партнера в странах Сахеля. Наиболее перспективными направлениями сотрудничества со странами Конфедерации в дальнейшем являются развитие военно-технического направления, разработка месторождений природных ресурсов, обмен продукцией сельского хозяйства, реализация инфраструктурных проектов, развитие сферы образовательных и консультационных услуг. Энергоресурсы указанных стран привлекательны для России значительным объемом их запасов и довольно низкой стоимостью их добычи [7].

Институционализация «новой модели сотрудничества» требует перестройки информационного и логистического обеспечения. На сегодняшний день между портами Российской Федерации и портом Дакар отсутствует регулярное прямое морское сообщение под национальными флагами, которое заставляет отечественных экспортеров прибегать к услугам международных шипинговых компаний, зарегистрированных в западных юрисдикциях. В условиях ужесточения санкционного режима проблема создает риски внезапного срыва поставок или ареста судов. Решение правовой и технической проблемы лежит в плоскости создания совместной российско-сенегальской судоходной компании или заключения пула соглашений о взаимном признании страховых сертификатов в обход институтов Глобального Севера. Наполнение торгово-экономического взаимодействия инфраструктурной независимостью трансформирует Сенегал из пассивной «лаборатории» в устойчивую опорную платформу российского присутствия во всей Атлантической Африке.

Заключение

Проведенное международно-правовое и политико-экономическое исследование позволяет сформулировать вывод о том, что российское присутствие в Сенегале и в Западной Африке в целом находится в транзитном состоянии между радикальным разрывом с неоколониальными практиками и латентным воспроизводством некоторых элементов преемственности зависимости. Антиимпериалистический дискурс Российской Федерации выполняет психолого-политическую функцию, легитимизирует стремление африканских государств к полному суверенитету и создавая идеологическую альтернативу западноафриканскому и глобальному доминированию бывших метрополий. Однако сохраняющийся торговый дисбаланс и растущая зерновая зависимость Сенегала от российских поставок свидетельствуют о том, что на экономическом уровне элементы асимметричной модели «центр – периферия» не преодолены и требуют институциональной корректировки.

Сенегал выступает в статусе «лаборатории новой модели сотрудничества», демонстрирует отличный от государств Альянса Сахеля, умеренный и сбалансированный подход к диверсификации внешних связей. Дакар уклоняется от ловушки монозависимости, использует российскую поддержку для укрепления международно-правового суверенитета, но одновременно балансирует её прагматичным экономическим взаимодействием с Китаем, Турцией и сохраняющимися институтами Глобального Севера. Для того чтобы развивающееся российско-сенегальское партнерство переросло в альтернативу неоколониализму, органам государственного управления РФ необходимо пересмотреть структуру взаимодействия и перейти от торговой, сырьевой экспансии к форсированному наращиванию прямых иностранных инвестиций, совместному освоению шельфовых месторождений углеводородов, трансферу технологий и развитию локального производства на территории Сенегала, которое наполняет антиимпериалистический нарратив реальным экономическим содержанием на принципах равенства «Юг – Юг».

Список литературы

1. Абрамова И.О. [и др.]. Африка: неоплаченный долг колонизаторов / И.О. Абрамова, С.Н. Волков, В.В. Грибанова, Т.Л. Дейч, Т.С. Денисова, Н.А. Жерлицына, С.В. Костелянец, О.С. Кулькова, А.Ю. Урнов, В.В. Усачева, Л.Л. Фитуни, В.Г. Шубин, А.Й. Элез. – М. – 2023. – 122 с.
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Второй саммит Россия–Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 12. – С. 35–48.
3. Авакян А.С. Россия и Африка: стратегическое партнерство в контексте трансформации региона Сахеля // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 11. – С. 573–580.
4. Ван Л. Анализ внешней политики России в отношении «Глобального Юга» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 1192–1201.

5. Мохамед С.А.Т. Международно-правовой статус Западной Сахары // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11. – С. 60–62.
6. Почта Ю.М. Кризис западной модели глобализации и социально-политическое развитие Африки: уроки из обострения международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 701–712.
7. Савельев Д.И. Стратегические интересы России и стран конфедерации государств Сахеля: точки соприкосновения // Азия и Африка сегодня. – 2026. – № 1. – С. 5–14.
8. Филиппов В.Р. Новый этап военного сотрудничества России с африканскими странами // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 935–946.
9. Чересов В.С., Денисенко В.А. Интересы России и Китая в Африке: сотрудничество или конкуренция? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2020. – С. 963–970.
10. Bokeriya S., Nguevese G.E. ECOWAS peacekeeping missions and their effects on West African nations // International Relations. – 2024. – № 3. – P. 57–70.

References

1. Abramova I.O., Volkov S.N., Griбанова V.V., Dejch T.L., Denisova T.S., Zherlitsyna N.A., Kostelyanets S.V., Kul'kova O.S., Urnov A.Yu., Usacheva V.V., Fituni L.L., Shubin V.G., Elez A.J. [Africa: The Unpaid Debt of Colonizers. Moscow]. – 2023. – 122 s (In Russ.)
2. Abramova I.O., Fituni L.L. [Second Russia-Africa Summit: From the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2023. – Vol. 67, No. 12. (In Russ.)
3. Avakyan A.S. [Russia and Africa: Strategic Partnership in the Context of the Sahel Region Transformation] // Vestnik nauki. – 2025. – Vol. 1, No. 11. (In Russ.)
4. Van L. [Analysis of Russian Foreign Policy toward the 'Global South'] // Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnoshenij. – 2025. – Vol. 14, No. 5. (In Russ.)
5. Mokhamed S.A.T. [International Legal Status of Western Sahara] // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2023. – No. 11. (In Russ.)
6. Pochta Yu.M. [Crisis of the Western Model of Globalization and Socio-Political Development of Africa: Lessons from the Escalation of International Relations] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. – 2025. – Vol. 27, No. 4. (In Russ.)
7. Savel'ev D.I. [Strategic Interests of Russia and the Countries of the Sahel Confederation of States: Points of Contact] // Aziya i Afrika segodnya. – 2026. – No. 1. (In Russ.)
8. Filippov V.R. [A New Stage of Military Cooperation between Russia and African Countries] // Voprosy politologii. – 2025. – Vol. 15, No. 3. (In Russ.)
9. Cheresov V.S., Denisenko V.A. [Interests of Russia and China in Africa: Cooperation or Competition?] // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. – 2020. (In Russ.)
10. Bokeriya S., Nguevese G.E. ECOWAS peacekeeping missions and their effects on west African nations // International relations. – 2024. – No. 3.